

Независимая газета

Генсек, которого могло не быть

О значении Горбачева в русской истории. К его 75-летию

2006-03-03 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Мне думается, что при анализе значения перестройки и роли Горбачева в истории мы должны стремиться избежать того противоречия, которое вообще часто присутствует в историографии и наиболее ярко, как мне представляется, присутствовало в советской историографии Октябрьской революции.

С одной стороны, все, кто писал о революции, стремились показать ее закономерность, подготовленность всем предшествующим ходом развития. При этом, чтобы доказать неизбежность революции, допускалось множество искажений и натяжек. Преувеличивались развитость капиталистических отношений, размеры и организованность рабочего класса и т.д. С другой стороны, Ленин всячески превозносился как величайший мыслитель и политик. Противоречие здесь – в том, что если Октябрьская революция была полностью предопределена всем ходом предшествующего развития, то ее осуществление – задача, которая не требовала особой гениальности, как от мышки, которая «хвостиком махнула», не требовалось особой силы, чтобы разбить яйцо. Не было бы Ленина – был бы кто-то другой. Признание предопределенности Октябрьской революции и грандиозной исторической роли Ленина противоречили друг другу. (Я лично думаю, что Ленин был великий человек и что роль его грандиозна именно потому, что победа большевистской революции в России не была исторически предопределена, что это был лишь один из возможных вариантов развития, который без него не реализовался бы.)

Вот такого противоречия, мне думается, мы и должны стараться избежать при попытках осмыслить перестройку. Естественно, что мы не в состоянии (и никогда не будем в состоянии) ясно и однозначно указать на соотношение в перестройке субъективных и объективных факторов, необходимости и случайности. Но надо четко понимать, что чем больше мы представляем перестройку как событие, детерминированное всем предшествующим развитием, которого не могло не произойти, тем меньше значения мы должны придавать личности М.С. Горбачева. Не он, так кто-то другой, чуть раньше, чуть позже, чуть иначе. И наоборот, если мы говорим о перестройке как о великом событии и о громадной исторической роли Горбачева, это логически подразумевает, что без них все могло бы быть совершенно иначе.

Поэтому вопрос о роли Горбачева и значении перестройки неотделим от вопроса о других, не перестроечных вариантах развития СССР и всего мира. Попытаемся понять: были ли эти иные, «не перестроечные» варианты развития, и какими они могли быть?

Союз нерушимый

Прежде всего, пытаюсь представить эти варианты, мы должны исходить из того, что советский режим был практически на сто процентов защищен как от опасностей извне, так и от опасности революции снизу. Атомное оружие исключало возможность нападения на СССР, и никакое наше отставание в гонке вооружений ничего здесь принципиально не меняло – достаточно иметь несколько атомных бомб и минимальную возможность хоть одну из них обрушить на головы противников, чтобы быть полностью гарантированным от угрозы извне. (Пример – КНДР.) Но также он был застрахован и от революции снизу. Проникающий повсюду аппарат КГБ исключал возможность возникновения революционного подполья. То значение, которое советскими властями придавалось горстке диссидентов, говорит скорее о патологиях советского сознания, чем о реальности угрозы, исходившей от этих диссидентов. Конечно, могли быть и были стихийные бунты, однако без революционной организации они не могли быть особо опасны. Но без угрозы вторжения извне и революции снизу ни технологическое отставание от Запада, ни экономические трудности, связанные с неэффективностью экономики, ни даже утрата веры в официальную идеологию сами по себе не могли привести к смене режима. Для меня несомненно, что режим, основывающийся на идеологии, в которую практически уже никто не верит, в конечном счете обречен. Но даже очевидно неэффективный и переживший свое время режим в условиях тотальной защищенности мог существовать еще долгое время. Не говоря уже о режиме коммунистического Китая, который пока что никак нельзя назвать неэффективным, но ничуть не более эффективные и менее защищенные, чем режим СССР, коммунистические режимы в Северной Корее или на Кубе существуют до сих пор. В конечном счете они тоже, несомненно, обречены (как обречен и китайский). Но они дожили до 2006 года и просуществуют еще неясно сколько времени. Поэтому возможность сохранения коммунистического СССР до настоящего и даже до значительно более позднего времени представляется мне вполне вероятным, хотя и не реализовавшимся вариантом развития событий. Эта практически полная защищенность советского режима, достигнутая по окончании Второй мировой войны, когда СССР получил доступ к ядерному оружию, приводила к тому, что единственной возможностью смены режима могли быть лишь какие-то действия сверху, со стороны самой власти. И так как никакой прямой угрозы для власти не было, это должны были быть действия, мотивированные не столько стремлением к самосохранению, сколько идейно. Но какие формы могла иметь эта идейная мотивация и насколько вероятным было появление Горбачева с его мотивацией и именно в это время?

Коммунистическая реформация

Идейная мотивация к демократическому преобразованию советского строя, которое способно было вообще вывести за его пределы, могла проистекать только изнутри советской идеологии. Естественной и единственной формой такой мотивации было стремление к очищению идеологии от позднейших наслоений, ее оживление и дедогматизация путем обращения напрямую к ее сакральным источникам – к Марксу и Ленину и их «новому прочтению» в

демократическом и либеральном духе. Я бы назвал это «коммунистической реформацией», «марксистским протестантизмом». И идеология хрущевских реформ, и идеология перестройки были движениями «назад, к Ленину» и «назад, к Марксу». Движение вперед, к большей свободе, могло идти только через движение назад – к гуманистическим и демократическим аспектам мысли основателей идеологии.

Такие идеи в советском обществе второй половины 50–60-х гг., в период, начинающийся примерно с XX съезда КПСС и заканчивающийся примерно подавлением чехословацких реформаторов в 1968 г., были очень популярны. Я думаю, что если бы вместо Хрущева в то время у власти оказался несколько иной человек или же если бы Хрущева сменил не Брежнев, а кто-то другой, кто смог бы стать продолжателем Хрущева, то есть человек с мотивацией и идеями, близкими к горбачевским, – тогда могла бы произойти успешная постепенная трансформация советского режима сначала в более демократический, а в конечном счете и просто в демократический. Это – то, что пытались осуществить чехословацкие реформаторы в 1968 г. Но данная возможность не реализовалась ни в СССР, где в тот момент не оказалось в руководстве такого человека, ни в Чехословакии, где ей не дали осуществиться советские танки.

Между тем дальше вероятность такого развития событий, по-моему, не увеличивалась, а уменьшалась. В 70-е – 80-е гг. притягательная сила марксистско-ленинской идеологии стремительно падала, и в верхушке партийной иерархии, как это и продемонстрировали перестройка и постперестроечное развитие, ее искренних приверженцев уже практически не было. Соответственно, стремительно падала и вероятность трансформации режима при опоре на демократические стороны и потенциалы марксистско-ленинской идеологии.

Только то, что Горбачев, когда говорил: «больше социализма» и «как учил Ленин», искренне в это верил (он и сейчас в это верит), могло дать ему силы и «наивности» не побояться предпринять «перестройку». Такую силу могла дать только вера – в «творческие силы народа», который в конце концов обязательно «разберется», в «потенциал социализма» и потенциал «советского федерализма», которые еще «не раскрыты в полной мере», в «новое мышление», к которому не могут не прийти все народы и страны. Циник-реалист, даже умный и вообще-то желающий блага народу, как многие горбачевские соратники, быстро ставшие с распадом советской системы «страстными антикоммунистами», на это был бы не способен, ибо задача перестройки – не «реалистическая» задача. Между тем в окружении Горбачева, да и в обществе в целом «верующих» практически уже не было – Горбачев был одним из самых последних (и это было главной причиной его поражения, ему просто не на кого было опереться).

Поэтому с появлением именно в это время Горбачева и его «идеалистического» реформаторского проекта реализовался, на мой взгляд, один из наименее вероятных и с каждым годом становящихся все менее вероятным вариантов.

Две идеологии

Между тем марксистско-ленинская реформация была не единственной формой идеологии, которая могла вывести за пределы советской системы.

Но другие идеологии повели бы нас, мне думается, в совсем ином направлении.

Советское государство представляло собой очень сложное образование. С одной стороны, СССР был государством, основанным на марксистско-ленинской интернационалистической идеологии. С другой стороны, он был продолжением Российской империи, Российской империей в новом воплощении. Соответственно, было и две идеологии этого государства – была официальная и все более формальная и утрачивающая жизненную силу идеология марксизма-ленинизма, и была неформальная, «теневая» идеология русского великодержавия. Весь брежневский период эта вторая, теневая идеология фашистского типа постепенно усиливалась по мере упадка первой, официальной, и уже выходила из тени. Понятно, что особенно распространены были такие идеи в армии и спецслужбах. Эта идеология также могла создать идейные мотивации для преобразований, ведущих за пределы системы. По мере все более очевидного маразмизирования власти, как мне представляется, усиливалась возможность того, что какой-то заговор верхушки армии и спецслужб устранил некоего нового Черненко и установит открытую диктатуру с националистической имперской идеологией, которая видела бы своей высшей задачей возвращение «дисциплины» внутри общества и силовую имперскую политику вовне. Общество такую диктатуру приветствовало бы – вся постсоветская российская история и трансформация российского постперестроечного режима, поддерживаемая большинством населения, демонстрируют громадную силу таких идей и настроений. Тем более что ее установление могло сопровождаться устранением ряда социальных несправедливостей и облегчающими жизнь населения реформами. И чем дольше бы существовала советская власть, тем больше была бы вероятность такого развития, последствия которого могли бы быть ужасны, и не только для России. Гибель советской империи, все равно неизбежная, могла бы в этом случае стать не «крупнейшей геополитической катастрофой», как ее охарактеризовал Путин, а настоящей катастрофой. Мне представляется, что появление Горбачева произошло на самом излете возможности первого («марксистского») варианта трансформации советской системы и тогда, когда вероятность второго («имперского») варианта трансформации была еще не так велика.

«Но поражение от победы...»

Появление реформатора типа Горбачева именно в его время было не лучшим вариантом развития. Лучшим был бы приход фигуры типа Горбачева раньше, в 60-е годы. Но тем не менее это был вариант, спасший Россию и весь мир от других, значительно более страшных и опасных. Человек, 75-летие которого мы отмечаем, действительно повернул историю и нашей страны, и мира. Его значение – именно в том, что его вполне могло бы и не быть, и все было бы во много раз хуже. Его значение – в маловероятности появления такого человека в его время на вершине советской иерархии.

Сила Горбачева – в его искренности, убежденности и неотделимой от них «наивности», которая во много раз выше «реализма». Его сила – в том, что он не поступался своими принципами даже в ситуации, когда любой

реалистически мыслящий человек пошел бы на компромиссы. Его сила – в том, что он долго убеждал общество не бояться его – этого не стал бы делать ни один «нормальный» правитель, который даже ради благих реформаторских целей предпочел бы использовать страх. Его сила – в том, что когда ошалевшее от свободы общество, естественно, обратилось против него, когда здравый смысл подсказывал, что надо припугнуть, он продолжал уговаривать. Что ему даже в голову не приходило, например, избавиться от Ельцина тысячами возможных способов – «ради сохранения стабильности и продолжения курса преобразований».

Одной из самых больших психологических загадок Горбачева является то, что он не производит впечатление проигравшего человека. Так воспринять поражение и неизбежно следовавшие за ним унижения мог только человек, для которого власть – не самоцель, а средство для реализации его идеалов. Поражение было частью той цены, которую он был готов за них заплатить. И это поражение – его самая большая победа, победа над логикой политической борьбы, над ведущим к катастрофе «здоровым смыслом», над собственными естественными, человеческими властными импульсами.

Горбачев – единственный в русской истории правитель, который, имея всю полноту власти, пошел на риск ее потерять во имя своих идей и свободы других. Он показал, что для политика может быть что-то, что важнее власти. Россия станет нормальным, современным, человеческим, демократическим обществом только тогда, когда закон будет значить больше, чем лицо, осуществляющее власть. Над Горбачевым такого закона не было. Но такой закон был в его душе, и он стремился сделать его объективным, «институциональным» – и пожертвовал ради него всем.

Исходя из критериев современного демократического мира, России почти нечем гордиться в своей политической истории. Деспотов, строивших из человеческого песка распадавшиеся затем империи, было много, а борцов за свободу – мало, и все какие-то сомнительные, путавшие народную свободу со своей властью. Но у нас есть одна несомненная фигура, «оправдывающая» русскую политическую историю и русскую политическую культуру, фигура, которой мы можем гордиться сейчас и которой обязательно будут гордиться наши потомки. Это – Горбачев.

Горбачев и подаренные им шесть лет движения ко все большей свободе были крупным российским и советским выигрышем в лотерею истории. Вообще-то мы знаем, что выигрыши бывают, и даже крупные, но они маловероятны, и рассчитывать на них глупо. И уж совсем маловероятно, что такой выигрыш в одной и той же стране может произойти в обозримое время дважды. Главы государства, который, как Горбачев, хотел бы свободы для людей больше, чем власти для себя, больше не будет.